

ОТ КРАЯ И ДО КРАЯ

Пожалуй, я не смог бы назвать имя другого советского писателя, кроме Михаила Александровича Шолохова, который так глубоко, многозначно был бы сопричастен глобальным проблемам развития отечественной музыкальной культуры. И не только количеством названий произведений этого художника, послуживших литературной первоосновой для композиторских партитур и клавиров измеряется его вклад (хотя и в этом плане картина достаточно внушительна — два объема романа и рассказ переведены на язык музыки). Главное, на мой взгляд, что именно шолоховский «Тихий Дон» положил начало принципиально новому этапу в истории развития советского оперного жанра. Без преувеличения опера Ивана Дзержинского, еще совсем молодого композитора, стала открытием.

1934 год. Я тогда был студентом Московской консерватории. Помню, какие развернулись жаркие обсуждения и в нашей студенческой среде, и в кругах больших, опытных музыкантов, с появлением этого произведения и спектакля Ленинградского малого оперного театра. Акт исключительной смелости — совсем молодому автору решиться взяться за такую «глыбу», да к тому же за еще не завершённый в ту пору роман! Попытаться переложить на условный оперный язык сочную, колоритную, исконно народную речь писателя, вывести на сцену образы, рожденные современностью, самой жизнью, раскрыть сложнейшие человеческие характеры, со всеми их противоречиями, показать остроту социальной, классовой борьбы!.. Сколько копий было сломано в спорах по поводу того, удастся или не удастся это. И потом, когда была осуществлена первая постановка: каков результат!

Каждый отклик на оперу «Тихий Дон» — устный, в прессе — становился предметом живейших споров, дискуссий. Критики далеко не однозначно оценили работу композитора и создателей спектакля, но все были единодушны в одном: обращение к выдающемуся произведению советской литературы — роману Шолохова — дало возможность достичь идейной глубины, правдивости, образной конкретности, глубоких социальных обобщений в показе на музыкальной сцене нарастающего революционного движения крестьянских и казачьих масс. И, конечно, стилем шолоховского письма подкан колоритный песенный язык партитур Дзержинского — простой, доходчивый, трогательный, достоверностью, естественностью.

Знаменательно, что среди тех, кто отметил важность создания оперы «Тихий Дон», был и Дмитрий Дмитриевич Шостакович. Вот как оценил он это событие: «Мы, присутствовавшие при рождении этой оперы, испытываем чувство глубокой радости и гордости за советский музыкальный театр, ко-

торый обогатился новым выдающимся произведением». Высокую оценку дал ему и академик Б. Асафьев: «...повеяло свежестью народной лирики и реализмом народных характеров... появились люди живой интонации и естественной повадки, мелодии одушевились песенностью, лирика стала... выразителем здорового чувства».

Это было по тому времени самым главным: песенная природа интонаций, доступность, выразительность, мелодическая ясность и свежесть языка — они помогли привлечь к оперному искусству внимание и симпатии самых широких кругов слушателей, завоевать их сердца.

Позже, когда я познакомился с партитурой «Тихого Дона», увидел его на сцене, я почувствовал и осознал всю значимость этого пусть не во всем совершенного, но масштабного, этапного произведения в истории советского оперного творчества. Надо сказать, что проблемы развития музыкально-сценических жанров меня весьма интересовали, волновали (да и по сей день интересуют). Ведь был период, когда я работал дирижером в оперной студии, затем в Театре Советской Армии, а после него — в Оперном театре имени К. С. Станиславского. И, конечно, я старался быть в курсе того нового, что сочиняли советские композиторы в оперном жанре, знакомиться с новыми партитурами, с новыми спектаклями.

«Тихий Дон» И. Дзержинского дал мне очень многое и как дирижеру, и как композитору. Безусловно, лучшие страницы оперы могли быть рождены только шолоховской мыслью, шолоховскими образами, шолоховским словом. Великолепный, сочный, народного склада язык романа подсказал композитору далеко не стандартные оперные фигуры действующих лиц, образы представителей разных классов — беднейшего крестьянства и кулачества. В опере действуют массы — казаки, мужики, солдаты, крестьяне. И это не театральные персонажи, не сладкопевные герои, не переодетые, «маскарадные» пейзажи, а живые характеры, живые образы.

Лучшие страницы оперы — хоровые эпизоды, раскрывающие образ народа, личная драма Григория и Аксиньи развертывается на фоне широкой исторической перспективы народной жизни, в тесной связи с нею. Все поворотные моменты в развитии действия — явление войны, начало революции — связаны с народом, именно народ здесь главное действующее лицо.

По существу, композитор выстраивает драматургию произведения на развитии и переплетении двух линий — судьбы Григория Мелехова и Аксиньи и судьбы народа. Так мотивы шолоховского «Тихого Дона» получили смелое, живое, своеобразное воплощение в опере Дзержинского. В ней нет той эпической силы, размаха, как в романе, той могучей широты

в описании жизни казачества, событий, развернувшихся в России в начале века. У Дзержинского — лирический жанр, но он сумел воплотить ясные и благородные идеи замечательного шолоховского творения, искренне и выразительно воссоздать портреты главных героев. Хотя, на мой взгляд, оперный Григорий Мелехов несколько отличен от того, которого нарисовал Шолохов в романе: у него он страстный, смелый, решительный, порывистый, а в опере мы видим пассивно страдающую натуру. Зато у Аксиньи композитор сохранил обаятельные черты характера, столь великолепно выписанного Шолоховым, — сочетание воли, энергии, страстной силы любви с проникновенными, нежно-лирическими чувствами. Я уверен, каждому, кто хоть раз слышал «Тихий Дон» в оперном «переложении», запомнилась лирическая песня Аксиньи о долинушке, мелодия и слова которой столь близки к фольклору, что ее легко посчитать за подлинно народную. А с каким глубоким драматизмом написана сцена Аксиньи у постели умирающей дочери!

И все же лучшие страницы этой оперы — хоровые. Прекрасна задушевная песня «Ой, и горд наш тихий Дон», в которой выражена любовь народа к Родине, к мирному труду. Поэтично и вместе с тем призывно, в духе шолоховского романа, выражая его идею, звучит завершающий партитуру финальный хор «От края и до края». Он рисует образ народа, готового к борьбе «за землю, за волю, за лучшую долю». Этот хор, как, впрочем, и ряд других страниц «Тихого Дона» И. Дзержинского, прочно вошел в быт народа, обрел самостоятельную жизнь, включен в репертуар разных коллективов и постоянно звучит на концертной эстраде. И опера в целом получила широчайшее распространение: постановка ее была осуществлена в ряде театров Советского Союза, она увидела свет рамп и за рубежом.

Вслед за «Тихим Доном» И. Дзержинский пишет «Поднятой целину» по мотивам Шолохова. И снова он становится первым, кто осмелился вывести на сцену музыкального театра новые образы — вожаков коллективизации деревни, коммунистов Давыдова, Нагульнова. К сожалению, в характеристике этих героев особенно Давыдова, композитору не все удалось, ощущались некоторая схематичность, декларативность средств художественной выразительности, музыкально-образной речи. Но хоры, песни вписались яркими страницами в сокровищницу музыкальной культуры, а «Казачья песня» из «Поднятой целины» и по сей день живет полнокровной жизнью в хоровых коллективах, ансамблях (а ведь дата рождения оперы — 1937 год!).

Последнее шолоховское сочинение И. Дзержинского — «Судьба человека». Помню, с каким душевным трепетом читали все мы этот волнующий

рассказ, опубликованный на страницах газеты «Правда». Страстное повествование о силе, душевной красоте, нестигаемой воле, благородстве советского солдата, защитника Отечества трогало до глубины сердца. Великий характер в великих, грозных жизненных обстоятельствах — таков герой шолоховского шедевра, написанного словно на одном дыхании.

Иван Иванович Дзержинский назвал свою партитуру: опера-песня. Здесь есть много интересных, ярких эпизодов, музыка написана искренне, с душой, с эмоциональной «открытостью», и как всегда в сочинениях этого автора, она сильна именно песенной природой мелодики. И хотя в драматургии этой оперы некоторые критики отмечали ряд недостатков, хотя по силе художественной образности композитор не смог стать на один уровень с большой литературой большого писателя, произведение это неизменно волнует, захватывает слушателей и зрителей.

К слову сказать, в работе над шолоховскими образами и темами И. Дзержинский не одинок: насколько мне известно, в этой области проваляли свои силы московские композиторы А. Николаев (он написал симфоническую поэму по рассказу «Судьба человека»), М. Магиденко (опера «Варина любовь» по «Поднятой целине»), Д. Тер-Татевосян из Армении (Вторая симфония этого автора названа «Судьбой человека»). И все же в творчестве И. Дзержинского произведения этого писателя заняли самое большое место.

Просматривая недавно журналы двадцатипятилетней давности, я натолкнулся на любопытнейший материал — очерк И. Дзержинского, где композитор рассказывает о своей первой встрече с Шолоховым, о том, как познакомил он его с оперой «Тихий Дон», сыграл и пропел всю партитуру. Когда композитор спросил Михаила Александровича, не сердится ли он на либреттиста и самого Дзержинского завольное обращение с романом, Шолохов очень спокойно ответил: «Мой роман — это мой роман. А твоя опера — это твоя опера. Я, конечно, рад, что мой роман породил оперу. А насчет того, что вы там использовали и чего не использовали, — это меня не касается. Это твое хозяйство. Ты в ответе за него перед народом...»

«Творчество Михаила Шолохова, его личность, общение с ним — все это сыграло огромную роль в моей жизни, в направленности моего творчества, за что я от всей души благодарен нашему замечательному писателю», — заканчивал свой очерк И. Дзержинский.

Эти слова благодарности повторяем и все мы, советские люди, потому что в произведениях замечательного советского писателя — история нашей страны, нашего народа.

Константин ИВАНОВ,
народный артист СССР.